

истории, опущу все те моменты, когда она спрашивает: «Что вы сказали?», или просит: «Повторите, пожалуйста», или заглядывает в словарь.

Надеюсь, книга вам понравится. Пишите, удалось ли приготовить что-нибудь вкусное по рецептам. И — bon appetit!

Дженни

Глава 1

Вот ведь что странно. Я сразу поняла: случилось что-то плохое. Очень плохое, ужасное, из ряда вон выходящее, чрезвычайно серьезное и при этом крайне унижительное для моего достоинства. И все равно смеялась не переставая. Буквально захлебывалась от смеха.

Вот я лежу на полу, с ног до головы залитая жидким шоколадом, хихикаю как дурочка и не могу остановиться. Надо мной склоняются какие-то люди. Некоторых я узнаю. Но никто, кроме меня, не смеется. Наоборот, все очень серьезны. Почему-то от этого еще смешнее.

— Убирай! — велел кто-то, кого мне с пола было не видно.

— Еще чего! — ответили ему. — Сам убирай! Фу, гадость какая!

А потом еще кто-то — наверное, Флинн, наш новый посыльный на складе, — сказал:

— Сейчас позвоню в девять-один-один.

— Флинн, не валяй дурака! — ответили ему. — Мы что, в Америке? У нас номер службы спасения — девять-девять-девять!

— По-моему, у нас теперь тоже есть номер девять-один-один, — возразил кто-то. — Пришлось завести — всякие придурки вечно пытаются по нему звонить.

Тут кто-то четвертый достал телефон и заявил, что вызывать надо «скорую помощь». Это мне тоже показалось смешным до колик. И тут я безошибочно узнала голос старушки Дэл, нашей ворчливой уборщицы. Она сказала:

— Ну, этот замес только на выброс

годится.

Я представила, как шоколад с меня собирают обратно в огромный чан и пытаются продать, и захохотала с новой силой. Это же просто умора!

Потом, слава богу, ничего не помню. Правда, в больнице ко мне подошел фельдшер со «скорой помощи» и сказал, что в машине я ржала как ненормальная. Он, конечно, знает, что люди по-разному реагируют на шок, но чтобы настолько... Тут фельдшер заметил выражение моего лица и прибавил:

— Не расстраивайся, дорогуша, еще посмеешься.

Но в тот момент мне казалось, что я навсегда утратила способность смеяться.

— Дебс, милая, успокойся. Подумаешь, нога! Могло быть гораздо хуже. А если бы в лицо попало?

Это папа утешает маму. Он у меня оптимист.

— Тогда ей сделали бы новый нос. Она ужасно комплексует из-за носа.

Мама в своем репертуаре. Да, ей не мешало бы поучиться у папы во всем находить положительные моменты. Вот, уже рыдает. Хочу открыть глаза, но не могу: свет невыносимо яркий. Наверное, это не лампа, а солнце. Может, я на курорте? Ну, что не дома — это точно. В Кидинсборо, моем родном городке, солнце не светит в принципе. Три года подряд Кидинсборо уверенно занимал первое место в телеголосовании за худший город Англии, пока передачу не сняли с эфира из-за возросшей в связи с этим локальной политической напряженности.

Голоса родителей уплыли далеко, будто кто-то настраивал радио и переключился на другую волну. Интересно, они еще здесь или